

**РЕДЬЯРД
КИПЛИНГ**

**СВЕТ
ПОГАС**

МОСКВА

МАЯКИ ЭПОХИ

ВЕЛИКИЕ КНИГИ

Rudyard Kipling

**РЕДЬЯРД
КИПЛИНГ**

**СВЕТ
ПОГАС**

МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К42

Rudyard Kipling
THE LIGHT THAT FAILED

Перевод с английского *Анны Энквист*

Оформление серии *Алексея Гаретова*

Фотография на обложке: © Popperfoto / Gettyimages.ru

Киплинг, Редьярд.

К42 Свет погас / Редьярд Киплинг ; [перевод с английского А. Энквист]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215748-6

Редьярд Киплинг — английский писатель, поэт и журналист, один из самых известных авторов Викторианской эпохи.

В 1907 году Киплинг стал первым англоязычным писателем, получившим Нобелевскую премию по литературе. Его творчество оказало влияние на писателей XX века, таких как Джордж Оруэлл и Грэм Грин.

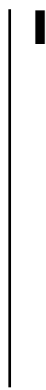
Киплинг остается актуальным благодаря своим глубоким сюжетам, красочному языку и умению рассказывать истории, в которых каждый может найти что-то важное для себя.

«Свет погас» — первый роман Редьярда Киплинга, в котором он обращается к темам одиночества, неразделенной любви и трагедии творческой личности. Это одно из самых глубоких произведений писателя, отличающееся реалистичным стилем и психологической глубиной, это история о том, как мечты сталкиваются с жестокой реальностью, а талант не всегда приносит счастье.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-215748-6

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

— **Н**у, как ты думаешь, что она сделает, если поймает нас? Нам не следовало бы делать этого, Дик, — сказала Мейзи.

— Меня побьет, а тебя запрет в спальне, — не задумываясь, ответил Дик. — Патроны у тебя?

— Да, они у меня в кармане и страшно стучаются друг об дружку; они не могут сами собой взорваться?

— Не знаю. Если ты боишься, возьми револьвер, а патроны дай мне.

— Я вовсе не боюсь. — И Мейзи быстро побежала вперед, засунув руку в карман и откинув голову назад. Дик следовал за ней с маленьким дешевеньким револьвером в руке.

Эти дети решили, что жизнь их будет невыносима, если они не научатся стрелять из пистолета, и вот, после долгих размышлений и всяких лишений, Дик скопил семь шиллингов и шесть пенсов на покупку плохонького бельгийского револьвера. Мейзи, со своей стороны, внесла в синдикат полкроны на приобретение сотни патронов.

— Ты лучше меня можешь копить деньги, Дик, — пояснила она, — я люблю всякие лаком-

ства, а ты к ним равнодушен; а кроме того, такие вещи всегда должны делать мальчики.

Дик поворчал слегка, но тем не менее пошел и купил что нужно, и теперь они собирались испытать свою покупку. Стрельба из револьвера не входила, конечно, в программу их повседневных занятий, выработанную для них их опекушкой, которая, как ошибочно предполагали люди, заменяла мать этим двум сиротам. Дик уже шесть лет находился на ее попечении, и за это время она удерживала в свою пользу те деньги, которые якобы расходовались ею на его платье и содержание, и, отчасти по беззаботности, а частью по природной склонности причинять огорчение, эта немолодая вдова, страстно желавшая выйти замуж, изрядно отравляла ему жизнь. Там, где он искал ласки и любви, он находил сперва отвращение, а затем ненависть, а когда он подросток и душа его запросила сочувствия, то встретила вместо него насмешки и обиды. Те часы досуга, что оставались у нее от хозяйственных забот и хлопот по дому, она посвящала тому, что она называла домашним воспитанием Дика Гельдара. Религия, которую она истолковывала применительно к своим личным соображениям, немало помогала ей в этом деле. Когда она лично не имела основания быть недовольной Диком, она давала ему понять, что его жестоко накажет Творец, и вследствие этого Дик возненавидел Бога, так же как ненавидел миссис Дженнет, а это весьма нежелательное состояние духа для ребенка. Так как она упорно хотела видеть в нем неисправимого лгуна после того, как он, побуждаемый страхом побоев и наказаний, впервые прибегнул к неправде, то мальчик невольно

и превратился в лгуна, но в лгуна осмотрительного и бережливого, никогда не прибегавшего без надобности даже к самой пустячной лжи, но, с другой стороны, не задумывавшегося ни на минуту даже перед самой ужасной ложью, будь она хоть сколько-нибудь правдоподобна и вероятна, если ложь могла облегчить хоть немного его жизнь. Такое воспитание научило Дика жить обособленной, замкнутой жизнью, что ему весьма пригодились, когда он стал ходить в школу, где мальчики смеялись над его одеждой, сделанной из плохонькой материи и во многих местах подштопанной. По праздникам он возвращался к миссис Дженнет, и не проходило полсуток со времени его возвращения под ее кров, как он уже был бит по той или иной причине, для того чтобы дисциплина домашнего воспитания не ослаблялась под влиянием общения с внешним миром.

Однажды осенью судьба подарила ему товарища по несчастью, маленькое длинноволосое сероглазое существо, такое же сдержанное и замкнутое, как и он сам, безмолвно бродившее по дому и первое время разговаривавшее только с одной козой, ее единственным другом, пребывавшем в дальнем конце сада. Миссис Дженнет хотела изгнать козу из сада, потому что она нехристь, что, конечно, было неоспоримо верно, но малявка энергично запротестовала.

— В таком случае, — сказала малявка, взвешивая каждое свое слово, — я напишу моим опекунам, что вы очень скверная женщина. Амомма моя, моя и моя!

Миссис Дженнет направилась было в прихожую, где стояли в углу зонтики, трости и палки,

и малявка сообразила так же быстро, как Дик, что означало это движение.

— Я была бита и раньше, — сказала она все тем же спокойным и бесстрастным голосом. — Я была бита сильнее, чем вы можете побить меня, но если вы ударите меня, то я напишу моим опекунам, что вы не даете мне есть! Я вас ничуть не боюсь.

Миссис Дженнет не пошла в переднюю, и малявка, выждав немного, чтобы убедиться, что всякая опасность миновала, вышла в сад, чтобы выплакать свое горе на шее у Амоммы.

Вскоре Дик узнал, что ее зовут Мейзи, и первое время относился к ней с большим недоверием, опасаясь, чтобы она не помешала той небольшой свободе действий, которая была предоставлена ему. Однако опасения его не оправдались, и малявка не напрашивалась к нему в друзья до тех пор, пока он сам не сделал первого шага к сближению. Еще задолго до окончания каникул длинный ряд наказаний, понесенных совместно, сблизил детей; вместе придумывая разные увертки, чтобы обмануть миссис Дженнет, они невольно действовали заодно и выгораживали друг друга. И когда Дик уезжал в свое училище, Мейзи, прощаясь, шепнула ему:

— Теперь я останусь одна, и некому будет постоять за меня, но, — и она гордо вскинула головку, — я и сама сумею, — добавила она. — Ты обещал прислать Амомме ошейник, пришли же скорее!

Спустя неделю она опять спросила про ошейник и осталась весьма недовольна, узнав, что его не так-то скоро можно изготовить. А когда Дик, наконец, прислал обещанный подарок, то она забыла поблагодарить его за него.

С того времени много раз наступали и кончались каникулы. Дик вытянулся и превратился в тощего, долговязого подростка, более чем когда-либо болезненно сознающего всю неприглядность своего костюма. Миссис Дженнет ни на минуту не ослабляла своих нежных забот о нем, но обычные наказания закрытых учебных заведений — а Дик подвергался им раза три в месяц — преисполнили его высокомерного презрения к карательным способностям г-жи Дженнет.

— Она бьет немного, — пояснял он Мейзи, которая подстрекала его к возмущению, — а к тебе она становится ласковее, после того как поколотит меня.

Дик рос внешне неопрятный и неряшливый и внутренне одинокий и озлобленный, что весьма скоро заметили его младшие товарищи, потому что он под горячую руку бил их исподтишка больно и обдуманно; не раз он пробовал дразнить и Мейзи, но девочка упорно отказывалась поддаваться его желанию сделать ей неприятность.

— Мы и так несчастны оба, — говорила она, — к чему же нам стараться еще более ухудшить нашу жизнь? Лучше давай придумаем, чем бы нам заняться, чем развлечь себя.

И результатом таких размышлений явился револьвер. Стрелять из него можно было только на самой болотистой отмели, далеко от пристани и купален, у подножья зеленых холмов форта Килинг. В этом месте прилив покрывал песок без малого на две мили, и разноцветные кучи ила, прогретые солнцем, издавали неприятный тяжелый запах гниющих водорослей. Было уже поздно, когда Дик и Мейзи пришли на отмель, а за ними не торопясь трусила Амомма.

— Фи! — воскликнула Мейзи, втянув воздух. — Удивляюсь, отчего это море издает такой запах. Мне он ужасно противен!

— Тебе противно все, что не специально для тебя создано, — проворчал Дик. — Дай мне патроны, я попробую выстрелить первый. Интересно знать, далеко ли бьют эти маленькие револьверы.

— О, на полмили, вероятно! — живо ответила Мейзи. — Во всяком случае, треск от них ужасный. Будь осторожен с патронами; мне положительно не нравятся эти штучки по краям барабана... Смотри, Дик, будь осторожен!

— Ладно, я знаю, как заряжать. Я буду стрелять туда, в буруны.

Он выстрелил, и Амомма с жалобным блеяньем убежала прочь. Пуля взметнула фонтан грязи вправо от старой, обвитой водорослями сваи.

— Бьет слишком высоко и вбок. Теперь попробуй ты, Мейзи. Помни, что он заряжен.

Мейзи взяла револьвер, осторожно приблизилась к самому краю тины и ила, держа палец на спуске и слегка скривив рот и прищурился левый глаз, стала целиться. Дик, присев на бережку, посмеивался, глядя на нее. Амомма осторожно приближалась; она привыкла ко всякого рода неожиданностям во время этих вечерних прогулок и, видя, что коробка с патронами осталась открытой, стала обнюхивать ее. Мейзи выстрелила, но не видела, куда попала пуля.

— Мне кажется, что я попала в сваю, — сказала она, заслоняя рукой глаза и вглядываясь в даль безбрежного моря.

— Я знаю, что она попала в колокол на Мари-зонском балконе, — хихикнув, сказал Дик. — Стре-

ляй ниже и левее, тогда, может быть, попадешь. Ах, смотри, Амомма ест патроны!

Мейзи обернулась с револьвером в руке как раз вовремя, чтобы увидеть Амомму удирающей от камней, которыми в нее швырял Дик. Нет ничего святого для избалованной козы! Хорошо упитанная и боготворимая своей госпожой, Амомма из озорства проглотила два патрона, но Мейзи это казалось невероятным, и она поспешила удостовериться, что Дик сказал правду.

— Да, она действительно проглотила две штуки. Противное создание! Теперь эти патроны будут болтаться у нее в животе и чего доброго взорвутся, и поделом ей!.. О, Дик! Неужели я тебя убила?

Револьвер далеко не безопасная вещь в руках молодежи; Мейзи не могла себе объяснить, как это случилось, но вдруг густое облако дыма заволокло Дика, и ей казалось, что револьвер разрядился прямо ему в лицо. Но вот она услышала его бормотанье и кинулась на колени подле него, восклицая:

— Дик, ты не ранен? Нет? Я не хотела этого.

— Ну, конечно, ты не хотела, — сказал Дик насмешливо, появляясь из облака и обтирая себе щеку. — Но ты чуть не ослепила меня. Этот порох страшно жжется.

Хорошенькое, маленькое, серое пятнышко расплющенного свинца на камне указывало, куда именно попала пуля. Мейзи захныкала.

— Перестань! — остановил ее Дик, вскочив на ноги и отряхиваясь. — Я ничуть не ранен.

— Да, но я могла убить тебя! — возразила Мейзи, причем углы рта ее опустились книзу и дрожали. — Что бы я тогда стала делать?

— Ты пошла бы домой и рассказала обо всем миссис Дженнет, — усмехаясь, ответил Дик, мысленно представляя эту картину. — Но прошу тебя, не сокрушайся об этом, — добавил он более мягко. — Мы только даром тратим время, а ведь мы должны вернуться к чаю. Дай-ка мне на минутку револьвер.

Мейзи еще долго бы прохныкала при малейшем поощрении, но равнодушие Дика, рука которого, однако, сильно дрожала, когда он брал револьвер, успокоило ее. Она все еще продолжала всхлипывать, лежа на песке, а Дик методично расстреливал буруны над сваями.

— Попал наконец! — воскликнул он в тот момент, когда небольшой клочок водорослей отлетел от старой сваи.

— Дай мне пострелять, — повелительно сказала Мейзи, — я теперь совсем успокоилась.

И они принялись стрелять по очереди до тех пор, пока плохонький револьвер чуть не рассыпался на части, а изгнанная Амomma, которая могла ежеминутно взорваться, пощипывая травку на почтительном расстоянии, дивилась и не понимала, почему в нее все время бросали камнями, не позволяя ей подойти ближе. Потом они нашли банку, плававшую на поверхности небольшого озера или лужи, и уселись перед этой новой мишенью.

— В следующие каникулы, — сказал Дик, — мы приобретем другой револьвер, центрального боя, — те бьют гораздо дальше.

— В следующие каникулы меня уже не будет здесь, — ответила Мейзи. — Я скоро уеду отсюда.

— Куда?

— Не знаю. Мои опекуны писали миссис Дженнет, что я должна воспитываться где-то, может быть, во Франции, — точно не знаю, но я буду рада уехать отсюда.

— Ну а мне это совсем не нравится. Меня, я полагаю, оставят здесь. Послушай, Мейзи, неужели это действительно правда, что ты уедешь и эти каникулы я вижу тебя в последний раз? А на будущей неделе я должен вернуться в школу! Я хотел бы...

Кровь прилила к его лицу, а Мейзи срывала травинки и бросала их в желтую водяную кувшинку, покачивающуюся на воде тинистого озера.

— Я хотела бы, — сказала она после непродолжительного молчания, — опять когда-нибудь увидеть тебя. Ведь и ты этого хотел бы?

— Да, но было бы лучше, если бы... если бы ты застрелила меня там, у свай...

Мейзи с минуту смотрела на него широко раскрытыми глазами. Неужели это тот самый мальчик, который десять дней тому назад украсил рога Амоммы бумажными фигурами и папильотками и выгнал ее в таком виде на улицу на посмешище публике? И она опустила глазки: нет, это не тот мальчик.

— Не говори глупостей, — наставительно сказала она и с чисто женским инстинктом свернула в сторону. — Видишь, какой ты эгоист! Ты подумай только, что бы было со мной, если бы эта проклятая безделушка убила тебя! Я и так уж достаточно несчастна!

— Почему? Потому что ты уезжаешь от миссис Дженнет?

— Нет.

— Ну, так от меня?

Долго не было ответа. Дик не смел взглянуть на нее. Он теперь живо чувствовал, чем для него были эти четыре года, и чувствовал это тем острее, что не умел и не мог выразить своих чувств словами.

— Не знаю, — протянула она, — но я полагаю, что так.

— Мейзи, ты должна знать! Я не предполагаю, я знаю!

— Пойдем домой, — слабым голосом промолвила Мейзи, поворачиваясь, чтобы идти.

Но Дик не согласен был отступить.

— Я никогда не умею сказать, что надо, — сказал он, — и мне ужасно жаль, что я дразнил тебя тогда с Амоммой. Но теперь совсем не то, ты меня понимаешь, Мейзи? И ты могла бы сказать мне, что ты уезжаешь, а не дожидаться, пока я сам узнаю об этом.

— Да ведь ты же и не узнал; я сама сказала тебе, но, Дик, что толку горевать?

— Пользы, конечно, никакой, но ведь мы с тобой жили годы вместе, и я не подозревал, что ты мне так дорога, я не знал этого.

— Я не верю, чтобы когда-нибудь была дорога тебе! — сказала она.

— Раньше ты и не была мне дорога, но теперь! Ты мне страшно дорога, Мейзи, — пробормотал он едва внятно. — Мейзи, милочка, скажи, что и ты любишь меня, скажи, прошу тебя!

— Да, да... право же, я люблю тебя; но что пользы в том?

— Как?

— Да ведь я уезжаю.

— Но если ты, прежде чем уехать, обещаешь мне... ты только скажи, хочешь ты? — Второй раз